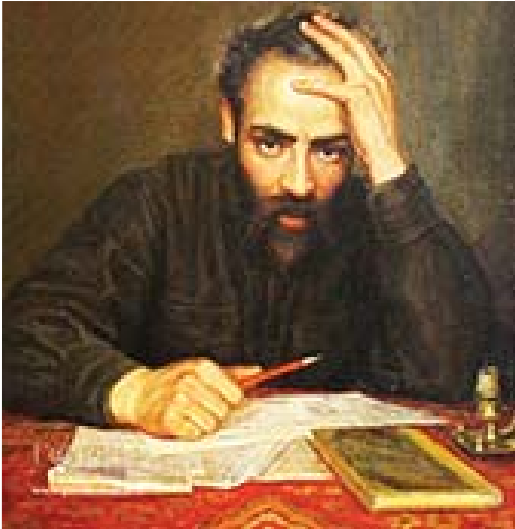

DOI 10.23671/VNC.2019.1.27274

Коста Леванович ХЕТАГУРОВ (осет. Хетæгкаты Леуаны фырт Къоста; 3 [15] октября 1859, Нар – 19 марта [1 апреля] 1906, Георгиевско-Осетинское) – осетинский поэт, драматург, публицист и живописец. Основоположник осетинской литературы и осетинского литературного языка. Просветительская деятельность и художественное творчество Коста Хетагурова оказали революционное влияние на развитие осетинского общественно-политического и литературного сознания. И по сей день Коста является для осетин образцом не только творческого гения, но и цельной и гармоничной натуры, соединившей в себе европейскую образованность и традиционную национальную культуру, четкие политические убеждения и широту души, твердость борца и милосердие поэта.

Вниманию читателей «Вестника ВНЦ» предлагается письмо Коста Хетагурова к Анне Цаликовой (1876–1914) от 6 декабря 1898 года. С нравственно-этической и художественно-психологической точки зрения это один из самых ярких текстов в эпистолярном наследии Коста. Кроме того, здесь мы находим бесценные авторские комментарии к циклу лирических стихотворений, связанных с драматичной историей отношений поэта и безответно любимой им женщины.

Публикация приурочена к 160-летию со дня рождения К.Л. Хетагурова.

А.А. ЦАЛИКОВОЙ
6 декабря 1898 г., г. Пятигорск

Остается всего несколько дней до моего отъезда [1]. А между нами еще так много недоговоренного... Уехать в том мучительном неведении, в каком я нахожусь по настоящее время, было бы настолько тяжело, что я просто-таки боюсь угадывать, к каким последствиям оно может повести меня...

«Зачем мы встретились...»¹ Вы помните, как политично выселил меня во Владикавказе из вашего дома один наш общий приятель [2]. «Рагæй мын «ацу» дæ цæстæнгас дзуры» [3], – обращался я к Вам в своем прощальном «Хæрзбон» [4], за день до ухода... «Один, опять один, без призрака родного», – с отчаянным рыданьем вырвалось из груди моей, когда я, как сумасшедший, метался всю первую ночь в своей новой квартире у Червинской. Затем я был выслан из Владикавказа... Попал в трущобы Карачаевских гор, на серебряно-свинцовый рудник... «Бестрепетно, гордо стоит на откосе джуктур круторогий в застывших снегах», – старался я передать свое чувство, действительно, как тур, скитаясь по неприступным скалам центрального Карачая... Я не выдержал и написал Вам письмо... вероятно, очень дикое, смешное... «Я еще хочу пожить на свободе... я только что окончила гимназию», – в такой необыкновенно деликатной форме передал мне Ваш отказ Гаго [5]... И я его не понял... Я тайком поехал во Владикавказ и в самой грубой форме поставил вопрос ребром; ответ был тот же, почти в тех же выражениях, но только более внушительный... «Тяжело... как тюрьма, жизнь постыла», – застал я тогда от невыносимой боли... «Иссякла мысль, тускнеют очи»... – плакался я в другом

стихотворении и т. д. Вообще все мои стихи того периода отличаются особенно мрачным тоном... Смерть отца окончательно потрясла мои нервы... Я почувствовал себя совершенно одиноким во всем огромном мире... Вначале меня обуряло чувство полнейшего отчаяния, затем я несколько овладел собой и стал рассуждать... Положение мое было совершенно исключительное. У меня во всем мире не оставалось ни одной паутинки, которая могла бы хоть на секунду удержать меня от любого рокового шага... Я был в самом широком смысле свободным делать все, что могла подсказать мне моя совесть. Какое великопение! Ведь это высший человеческий идеал. Но, Боже мой!.. Какая это головокружительная высота! Какую бездну раскрывает она под ногами! Даже сам «царь познания и свободы» [6], печальный изгнанник рая, не выдержал ее чрезмерного величия... Нет, не надо такой свободы! Она выше сил человеческих. Не надо! Я не могу жить без привязанности, без божества... «В грядущем все. Не надо счастья! Я не привык, я не хочу. Один лишь миг, лишь звук участья, – за них я жизнью заплачу!» Я найду себе дело и предмет поклонения. Раз мечта о личном счастье так беспощадно обманула меня, – я сумею отвязаться от нее навсегда, убить ее окончательно, – так я стал рассуждать, когда припадок отчаяния и ужаса заметно стал ослабевать. «Благодарю тебя за искреннее слово», – обращался я тогда и к Вам: «Прости, прости навек! Отвергнутый тобой, я посох и суму благословляю снова, благословляю жизнь, свободу и покой». «Начну по-прежнему я странствовать по миру, – за-

¹ Здесь и далее, за исключением специально оговоренных фрагментов, в кавычках следуют авторские цитаты из стихотворений.

кончил я стихотворение, – Молиться и любить, любя страдать за всех»... Да, за всех! Это поставил я себе тогда целью жизни. Воодушевление мое, казалось, не имело границ... «Я не пророк, – заявил я гордо с непоколебимой верой в святость принятой мною на себя миссии. – В бесплодную пустыню я не бегу от клеветы и зла»... «Весь мир – мой храм, любовь – моя святыня, вселенная – отечество мое!» – закончил я стихотворение.

Я переехал в Ставрополь... Трудно себе представить, с какой горячностью я отдался там самой разнообразной общественной деятельности... Но, увы! Ни газета, каждую строку которой я переживал, казалось, всеми фибрами души, ни живопись, которой я увлекаюсь всегда до изнеможения, ни всевозможные благотворительные, научные и артистические учреждения и собрания, в которых я принимал всегда самое лихорадочное участие, ни балы, ни пикники, ни кутежи – ничто не могло заслонить от меня дорогого видения. Я опять стал хандрить. Временами я даже навязывал себе злорадную идею жениться на первой попавшейся Аграфене или Матрене и, создав себе самую мелочную, мещанскую жизнь, хоть этим отравить мучительно сладкую мечту о новой встрече с Вами... К счастью, эти болезненные припадки были всегда мимолетны, и я с негодованием клеймил их в себе. «Прими меня», – обращался я с горячим раскаянием к «любимой подруге заветных дум», – «И эта мысль позорная о счастье мещанском, верь, сегодня же умрет!» И она действительно умирала, и я еще с большим увлечением отдавался своей заветной мечте, как морфинист – своей сладострастной отраве. «Не верь, что я забыл родные наши горы», – вырвалось опять из моей пылавшей груди. И Вы, кажется, отлично поняли, к кому относилось это стихотворение. Вскоре я узнал, что Вы невеста. Это событие вызвало ряд стихотворений самых разноречивых, не чуждых горечи и даже озлобления... Упомянуть о них не стоит, укажу только на два стиха более спокойного характера. Это «Утес» и «О чем жалеть». Весною прошлого года я уехал в Петербург рассеяться. Вернулся я через два месяца еще более развинченным, больным. Заболел я серьезно. Ну, думал я, наконец-то само провидение указывает мне надлежащий исход... 18 июля я с полным равнодушием разлегся на своем рабочем столе и заснул под хлороформом. Проснулся я уже на кровати забинтованным, при веселых остротах производивших операцию четырех врачей. Жив, значит – не то, не так решила судьба.

Я еще не мог вставать с постели, как приехавший из Владикавказа осетин сообщил мне, что мо-

Анна Цаликова
(Коста Хетагуров, 1898)

лодой офицер Дз<ахсоров> безнадежен [7], что за ним в Кисловодск поехали родственники... рассказал он мне при этом и его предшествовавшую историю...

Нет надобности уверять Вас, как глубоко опечалило меня это известие и как мучительно хотелось мне разделить с Вами Ваше горе... Но я не посмел сделать Вам ни единого намека на то... О трагическом исходе болезни Дз<ахсорова> я узнал уже в петербургской больнице, когда после второй операции и сам я почти не подавал надежды на выздоровление. Развязка поистине трагическая! Вы, как живая, стояли неотлучно предо мной, полная неис-

черпаемой скорби и молодого отчаяния... С какой готовностью я отдал бы тогда висевшую на волоске свою жизнь, чтобы сказать Вам хоть одно слово утешения... Но я не смел... Да имел ли право?

Десять месяцев отчаянной борьбы изнуренного организма со смертью и невообразимые ужасы, ежечасно наблюдаемые в продолжение 7 месяцев в огромной больнице для чернорабочих, развили мои нервы до того, что для меня становилось необходимым провести лето как можно покойнее, да и рана требовала еще очень внимательного ухода... Мне советовали ехать в Крым, в Одессу или в Кисловодск. Больше всего меня тянуло в Кисловодск, поближе к Вам. Но мысль о встрече с Вами пугала меня, и я решил провести лето во Владикавказе, в обществе Шредерс [8]... И влопался! Мое «инкогнито» полетело к черту... Я очутился лицом к лицу с Вами... Только Бог и мое сердце знают, какие чудовищные усилия я делал за все эти последние пять месяцев, чтобы затушить все более и более разгоравшийся в груди моей пожар... Но Вам самим отлично известно, как плохо мне это удавалось. И вот я снова весь перед Вами – безумный, жалкий, беспомощный... О, если бы Бог не наделил меня рассудком, так назойливо контролирующим все, – я, быть может, был бы счастливейшим из смертных. Я любил бы тогда весь мир истинно христианской любовью без строгого различия дурного и хорошего, без протivления злу и без мысли о вознаграждении на земле. Не всматривался бы я в окружающее, не изучал бы и себя, а только бы блаженно улыбался, так велика во мне любовь ко всему мирозданию, ко всем творениям Бога. Но вот горе – рассудок. На каждом почти шагу он становится в прямое протivоречие с лучшими порывами нашего сердца и вносит в жизнь такую дисгармонию, от которой волосы становятся дыбом и ногти синеют. Еще боль-

шее горе, когда рассудок начинает колебаться под напором большой фантазии и низменных страстей: оно неизбежно приводит к роковой развязке. Мое горе – горе совсем особого рода: общественно-социальное мое положение настолько «шатко», что всякая попытка связать с своею судьбою судьбу другого живого мыслящего существа – «безумие». Мои жизненные задачи, мои требования и принципы так своеобразны, «непрактичны и химеричны», что навязывать их питомцу существующего теперь порядка – «жестоко», «бесчеловечно».

Чего же я хочу? Зачем я, «рак с клешней», лезу туда, куда и конь с копытом?

– Да ведь я люблю, люблю сильнее, чем сорок тысяч братьев [9], – отвечаю я на эти доводы руководящей современной жизнью мудрости. – Я люблю и потому хочу, потому требую, чтобы это любимое существо было безраздельно со мною, хочу ежесекундно наслаждаться его созерцанием, упиваться дыханьем его уст, беззаветно отдавать ему каждое мгновение моей жизни... Хочу, требую...

– Постой, постой! что же эти все мгновенья твоей жизни дадут твоему любимому существу взамен дыханья его уст? – Что? Как что?! Любовь, мою горячую, неизменную любовь. – Это мы слышали... Еще, еще что? – Еще честный труд, еще благородные стремления, еще заботы о меньшем брате, униженном и оскорбленном, еще живопись, музыку, поэзию... – А дети? А безработица, болезнь, нищета? Ха-ха-ха! – Да, и это бывает, но ведь существо, которое я люблю, не такое, как большинство... Оно живет такими же мыслями, как я, лелеет те же принципы, стремится к достижению тех же идеалов... Бедность нам не страшна, потому что интеллигентный труд двух добросовестных работников всегда найдет спрос и соответствующее вознаграждение. Если Бог захочет наградить нас детьми, то забота о них сделается для нас высшим наслаждением, и мы всегда сумеем воспитать из них трудолюбивых работников и честных граждан. А от более крайних случайностей никто никогда не гарантирован. – Но так рассуждаешь ты, а она? – И она так. – Ты это знаешь? Уверен ты в этом? – Знаю! Уверен! Иначе я разве мог бы ее так безгранично любить!

– Да-а! Ну, тогда скатертью дорога! – говорит мне уже мой рассудок... И я, очертя голову, как школьник, готов бываю тогда броситься к Вашим ногам и покрыть их поцелуями... И как непоколебимо верю я тогда в наше счастье! Как поразительно ясно вижу тогда, что каждый из нас создан только друг для друга, что, как Вы только со мною, так и я только с Вами можем осуществить ту величайшую гармонию в жизни, освященную всеми религиями, к которой все человечество с такой неослабной энергией стремится десятки тысячелетий... Что это? Бред, безумие, продукт большой фантазии или истина, та именно истина, которая только и дает жизнь и счастье?

Давайте, дорогая, решим этот вопрос! Давайте разрубим наш гордиев узел. Откройте и Вы мне так же прямо и смело Ваши чувства, мысли и колебания.

Клянусь Вам, какую бы горькою ни была поведанная Вами правда, она, кроме глубокой признательности, не вызовет во мне и малейшей тени неудовольствия... Поверьте мне, – я далек от заблуждения. Ни молодостью, ни красотой, ни богатством, ни блестящей карьерой – не отметила меня судьба. Бедный поденщик-осетин, если я и осмеливаюсь делать этот рискованный шаг, то только потому, что я так несказанно, так безгранично люблю Вас, такую же бедную труженицу-осетинку.

«Теперь я Ваш»... Казните, но прежде обдумайте все как можно обстоятельнее. Соединить свою судьбу с моей можно только при неперменной солидарности и с моим образом мыслей, стремлений и действий, а главное, при наличности любви хоть в одну сотую долю той, какую переполнена грудь везде и неизменно Вашего неисправимого Коста.

9 декабря. До сих пор у меня не хватало смелости передать Вам эту «докладную записку». Сегодня я вручу ее во что бы то ни стало. Если Вы не сочтете нужным или удобным ответить мне, пока я здесь, то я во всяком случае буду ожидать Вашего письма до 20-го декабря в Ставрополе. Адрес: в редакцию «Северного Кавказа».

Публикацию подготовил
И.С. Хугаев.

Примечания

[1] Спустя два дня, 9 декабря, Коста Хетагуров выехал из Пятигорска в Ставрополь.

[2] Коста намекает на отца Анны, Александра Ивановича Цаликова, который был несколько обеспокоен признаками увлечения Коста его младшей дочерью.

[3] «"Прочь!" – ты давно говорила глазами...» (пер. Л. Озерова).

[4] «Прощай».

[5] Предположительно, врач Дигуров Виктор Николаевич.

[6] Аллюзия на пермонтовского Демона («Я царь познания и свободы, // Я враг небес, я зло...»).

[7] Мамай Дзахсорев, друг детства сестер Цаликовых, на предложение которого Анна ответила согласием, спустя некоторое время скончался от скоротечной чахотки.

[8] Шредерс Варвара Григорьевна (1852–1902), видная представительница прогрессивной владиавказской интеллигенции, друг Коста Хетагурова.

[9] Аллюзия на Шекспирова Гамлета: «Но я ее (Офелию. – Ред.) любил, // Как сорок тысяч братьев // Любить не могу!...» (пер. М. Цветаевой).

Costa Khetagurov
LETTER TO A.A. TSALIKOVA